

The background is a complex, colorful abstract painting. It depicts a perspective view of a city street or a series of buildings. The structures are composed of many overlapping, rectangular and square shapes in various colors including yellow, orange, red, blue, green, and purple. The overall effect is a dense, textured, and somewhat surreal urban environment. In the lower center, a group of about six dark, stylized human figures are standing and holding hands, looking towards the viewer. The lighting is warm and bright, especially in the upper center where it seems to glow.

Сержей Ермаков

Токa надaлу збeзди

18+

EDUARD

Сергей Ермаков
Пока падали звёзды

«Автор»

2020

Ермаков С.

Пока падали звёзды / С. Ермаков — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04712-9

В книге представлены трагичные и жизненные истории о слиянии и пересечении путей; о соприкосновении людей со своей болью; о выборе, который приходится делать для того, чтобы освободиться от страхов и ограничений, потерь и вины, которые превращают каждый день в мучение. В ночь войдут пятеро незнакомцев... каждому из них предстоит пережить своё испытание, познав новые стороны самих себя. И из этой ночи они выйдут уже другими. У каждого из героев свои причины быть там и идти по этому пути. Что их ждёт? Что они выберут? Откройте книгу и... узнаете. К каждой истории подобрано музыкальное сопровождение.

ISBN 978-5-532-04712-9

© Ермаков С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава I. Через тернии к Звёздам	5
Глава II. Пятеро	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Ермаков

Пока падали звёзды

Только тот, кто рискует зайти далеко, знает, как далеко он может зайти...

Глава I. Через тернии к Звёздам

Говорят, что между полночью и тремя часами ночи – граница между Мирами истончается, и сквозь неё к нам проникают сущности, несущие с собой дары. Дары созидания и разрушения, поощрения и воздаяния, боли и удовольствия. Эти дары идут вместе с испытаниями и неминуемыми переменами, от которых невозможно спрятаться или убежать. Что должно быть, то будет.

Раньше... три самых тёмных часа ночи называли – «Ведьмин час», а потому, отправляясь спать, люди вспоминали прожитый ими день и просили обитателей иных Миров обойти их дом стороной, дав шанс проснуться на рассвете и сделать шаг в ещё одном дне.

Всё это так... если в это верить.

Можно найти много примечательного в истории моего города, но меня более всего с самого детства привлекал и интриговал лишь один уникальный феномен, делающий город не просто особенным, но напрямую сопричастным к настоящим вселенским процессам, которые каждый житель мог наблюдать собственными глазами с самых давних времён... если конечно отваживался поднять голову вверх и увидеть... как говорят небеса.

Имею в виду ежегодный звездопад, который виден над нашим городом в двадцатых числах июля. Это то, что манило меня всегда, незримо направляло по дорогам жизни и привело к этому самому моменту.

Я из тех, кто не любит много говорить, а предпочитает наблюдать. Мне интересны люди... они как загадочные и полные тайн природные явления. Мне нравится их изучать, каждую мелочь, каждый аспект. И это не простая любознательность... может изначально так и было, но... опыт и практика наблюдения изменили всё.

Достаточно быстро я пришла к выводу, что многие... да что там многие, большинство людей – сломаны. Сломаны внутри и снаружи, как строки битого кода в программе. Раньше, когда я была моложе, мне оставалось лишь фиксировать свои наблюдения, формируя собственные воспоминания о беспомощности... мне оставалось лишь размышлять над увиденным, ужасаться или смеяться, будучи не в силах что-либо с этим поделать.

Время шло, проделав свой путь, полный испытаний и трудных выборов, из школьницы и студентки я превратилась в ту, кем являюсь сейчас. Не возьмусь описать, кто же я теперь... думаю, сейчас во мне соединились максимально разные аспекты меня, образовав новую сущность, целостную и многомерную, что в итоге дало мне смелость действовать, а не только наблюдать и понимание того, как это делать.

Шаг за шагом, крупинка за крупинкой... головоломка моей жизни складывалась, приближая меня к заветному дню, который изменит многое. Одни из главных вопросов, которые каждый задавал бы себе в начале пути: *что именно ты делаешь? И... зачем?* Их задавала себе и я.

Ответ для меня оказался столь же ясен, как свет, озаряющий ночь во время ежегодного звездопада. Моей целью стало – создание инструмента, который позволит не только наблюдать, но и действовать, меняя реальность. А нужно это – чтобы помогать исцеляться тем, кто сломан самим собой или обстоятельствами жизни. Меня, как обладателя системного взгляда на устройство человека и Мира в целом, категорически не устраивала ситуация, в которой находились люди... многие из которых были прекрасны, но сломаны, а потому – бесполезны и даже опасны для самих себя.

Я всегда знала, что найти способ помочь этим людям – моя главная задача. Но также мне пришлось прийти к пониманию и других важных вещей. Первое, я не смогу помочь всем, а потому, выбирать тех, кому нужна именно моя помощь, нужно максимально тщательно и аккуратно. Второе, как бы я ни старалась, но в итоге помочь себе, сделав выбор – может лишь сам человек. А это значит, что контекст моей помощи должен быть опосредованным, действовать я должна через создание условий и предложение вариантов, в которых человек погружался бы внутрь ситуации добровольно, где ему необходимо было бы принимать решение о себе и своём будущем.

Чем больше и дольше я наблюдала за людьми, тем чётче становилось моё видение. Вся эта боль, всё сожаление, все неприглядности человеческой жизни – как на ладони перед тем, кто смотрит. Изнутри своих жизней большинству будет казаться, что всё или практически всё более-менее в порядке, но со стороны видится совсем иное... безжалостная, безостановочная тоска, безысходность, злость, от которой задыхается практически каждый встречный, нечеловеческая боль и разочарование. С подобным грузом живут тысячи и сотни тысяч, и всё это далеко от нормальности...

Размышляя о том, почему мало кто из людей по своей воле отваживается, во-первых, признать, что, мягко скажем, не всё хорошо, во-вторых, решается сделать то, что необходимо, чтобы ситуация изменилась, я для себя пришла к выводу, что: система общественного устройства практически с рождения формирует в людях привычку – ничего не замечать и ничего не делать. Думаю, так людьми проще всего управлять, ну, а людям так проще переносить непеносимое, живя в заикленном лабиринте инертной одинаковости.

Взять хотя бы звездопад, к которому я ещё многократно буду возвращаться. Он для меня являлся источником вдохновения и проведения, такой простой и одновременно – непостижимо сложный, как и сама Жизнь. Но спрашивая друзей, знакомых и коллег об отношении к звездопаду, никогда не получала сколь-либо осмысленный ответ, обычные и стандартные фразы, вроде «ну, да, красиво». Будто речь не о грандиозном природном явлении, доносящем до нас формы и оттенки самой Вселенной, а о гамбургере, который можно съесть на завтрак в любой день.

Со временем пелена, разделяющая меня и остальных – лишь ширилась. Не потому, что я становилась всё лучше и лучше, вовсе нет, лишь потому, что окружающие – не прикладывали

ни малейших усилий, чтобы хотя бы одним глазком, хотя бы на мгновение выглянуть из лабиринта проживаемых дней и обнаружить естество Мира, столкнуться с ним, войти в слияние.

Слияние – это чудеснейшая форма взаимодействия, раскрывающая суть, порой до боли накаляющая контакт, но непременно высвобождающая невероятное количество энергии, совершая трансформацию. Только слияние создаёт возможность перестать быть маской и стать собой. Однако это именно те человеческие проявления, которые наиболее жестко подавляются, запрещаются и контролируются извне. Начальное стремление человека к слиянию с самим собой – умело подменяется правилами и нормами, следуя которым можно стать вроде как успешным и состоявшимся в социальном пространстве... *вроде как*. А стремление людей к слиянию друг с другом... подавляется при помощи хитрых социальных игр в богатство, расизм, сексизм и прочую выдуманную чепуху. Всё это в сумме приводит лишь к заблуждениям... иллюзии, порождает новые иллюзии, в которые помещаются люди. Но иллюзии опасны тем, что они не создают опоры... в результате чего большая часть населения – попросту находится в безопорном состоянии.

За время учёбы на биоинженерном факультете медицинского я бесчисленное множество раз слышала от профессоров надменную фразу «человек – это биологический компьютер», выдающую их высокомерную узколобость. Это полный бред. Точнее, сильно искажённый и упрощённый. В этой фразе акцент нужно делать на слово «биологический», тогда как все они всегда концентрировались на «компьютер». Но ни черта они не понимали. Я с десяти лет возилась с компьютерным железом и софтом, затем стала хакером, это дало мне опыт и понимание того, что люди – даже близко не компьютеры.

Компьютер – это просто инструмент, созданный для упрощения вычислений. Не видела ещё компьютеров, которым можно причинить боль, заставить страдать или радоваться; не знаю ни одной программы, которая плакала бы от любви или от потери. Тогда как люди – это биологическая система, созданная для чувств. Отождествляя себя с компьютером, человек лишь усугубляет своё состояние, становясь ещё более уязвимым, беззащитным и слабым. Ведь компьютерам не доступно слияние, оно доступно только людям. Освободиться настолько, чтобы вспомнить об этом, чтобы испытать это – вот то, ради чего имеет смысл жить. И те немногие, кто пришёл к подобному опыту – поймут меня.

Сломанные люди – это ровно те, кто насильно соприкоснулся с одним из оттенков слияния и был им разрушен, но это не значит, что нельзя восстановиться, что нельзя выбрать другой путь и обрести тот опыт слияния, который поможет исцелиться. Ужасы происходят с хорошими людьми, подонки живут долго, сыто и счастливо, а окружающим друг до друга нет никакого дела. Это во многом пугающая, но обычная картина. Такое случается постоянно, с Миром совсем не всё в порядке. Я убеждена, что человеческий Мир – болен. А я, пусть в очень локальном смысле – доктор, который ставит диагноз и назначает лечение. Горькое, болезненное, но – необходимое для очищения.

Долгие годы создавая «Тесея» – свой Искусственный Интеллект, являющийся аналитической сетью по наблюдению и сбору данных, я лишь утверждалась в верности понимания происходящего. Думаю, мало кто в Мире провёл столько же времени, изучая жизни людей в режиме «здесь и сейчас», сколько провела я. Это зрелище сколь прекрасно и завораживающе, столь же тяжело переносимо и порой деморализующе. Осознание того, что нет никакой справедливости даже близко, причиняло боль... каждый день. Но боль правильную, нужную мне боль, протекающую сквозь тьму к удовольствию, а через него с осознанием способа решения.

Видеть, как страдают люди, понимать, отчего они страдают, но не иметь возможности что-то сделать, побуждало меня не останавливаться ни на секунду, не сдаваться и не сомневаться в своей цели, какой бы несбыточной и туманной она ни казалась большую часть времени.

Но видела я конечно не только тупики и отчаянье. Настоящие люди – обнажали не только боль, сожаления и предательства, они открывали множество других сторон и проявлений жизни... дружбу, преданность, чувство юмора, спонтанность, таланты, доброту, искренность, чувственность, любовь и страсть.

То, что в конечном итоге наиболее важным для меня стало разрушающее содержание жизней людей, побудившее перейти к воплощению того, что произойдёт дальше, вовсе не значит, что в людях больше не было ничего, что привлекало внимание, что заставляло им сопереживать.

Наоборот, бесконечная многогранность человеческих проявлений – вот та основа, которая даже при погружении человека во мрак страданий, оставляет шанс на его преобразование и исцеление. Сломанные – не значит пропавшие.

Не скрою и то, что несомненно будоражащим аспектом наблюдения за другими – был секс. Специально я этого не искала, по крайней мере поначалу. Впервые увидев через взломанную веб-камеру пару, занимающуюся сексом, не особо впечатлилась, хотя и было любопытно.

Я сама люблю секс... яркий, спонтанный, порывистый, мне нравится процесс обмена силой и слабостью, нравится, как тело напрягается и расслабляется, как исчезает необходимость в словах, когда начинают говорить телá. Всегда считала секс – одним из лучших способов исследования себя и других людей. То, как ты раскрываешься во время секса – скажет гораздо больше, чем любые слова, чем любые маски, выражаемые лицами, одеждой или чем-то ещё.

Обнажённые... не зря такое звучное слово, потому что обнажённость – высвобождает, снимая покровы. В обществе принято секс приносить в жертву, делая предметом торгов и сделок, что-то вроде *«только если ты меня любишь – я буду с тобой спать»* или *«я тебе секс, а ты мне первое, второе и т.д.»*. Более того, секс, облечённый грехом и запретом – напрямую противопоставлялся многие тысячи лет здоровью, счастью и радости в устах религиозных и политических проповедников. Мне многое довелось узнать о лицемерии и паскудстве, но отношение к сексу, выводящее его за скобки «нормальной жизни» – это, пожалуй, одно из высших проявлений тупости людей. Секс – освобождает, позволяя раскрыть новый уровень слияния.

Несколько раз случайно наткнувшись на видео, когда пары занимались сексом, я поняла, что этот аспект жизни определённо стоит пронаблюдать внимательнее, потому что в том числе и в нём могут быть ответы о людях, о причинах их счастья и несчастья. В какие-то моменты я ловила себя на мысли о том, что специально проверяю сотни и тысячи доступных мне камер, в поисках интимных эпизодов и... это возбуждало. Учитывая мою загруженность, не всегда хватало времени искать себе пару, поэтому никогда не отказывала себе в удовольствии развлечься самостоятельно. И когда видишь живые истории, живые отношения, пусть они и где-то там... среди бесчисленного множества камер, то уже никакое порно не вызовет особого интереса. Настоящие люди гораздо более реально позволяют прочувствовать секс как явление, нежели актёры. Близость людей по ту сторону камер позволяла испытать не просто ситуативное удовольствие, но и ощутить слияние... с ними. Да, пусть мы не были физически вместе, и всё же

– мы были вместе в такие моменты, потому что физические границы для энергии значения не имеют.

В том числе исследование граней сексуальности, своей и чужой – делают в моих глазах жизнь насыщенной, позволяют мечтать, воображать и воплощать немислимое, формируют созидательные смыслы. То, что кто-то считает пороками – для меня более источник чувственной информации и знаний.

Нужно отметить и ещё кое-что... когда я росла, не было социальных сетей, общедоступного интернета в том виде, в каком мы к нему сейчас привыкли, не было мобильных телефонов и мессенджеров, что делало Мир более... аналоговым, личным и труднодоступным. Если бы я тогда захотела сделать то, что я делаю теперь, то попросту не смогла бы, но... всё изменилось. Эпоха расцвета «социального эксгибиционизма», как я её называю – пришлась ровно на нужный мне момент времени. Я воспринимаю наступление этого технологического цикла как метафизический сигнал одобрения моих планов.

Люди разоблачились, сами не понимая перед кем или зачем. Они нырнули в открытую кем-то кроличью нору столь истоиво и яростно, что даже не задумались, не задали себе ни единого вопроса, относительно последствий. Информация потекла... не просто ручьём, или рекой, она хлынула гигантским потоком, мощнейшим водопадом, чуть ли не мгновенно сформировав и заполнив виртуальные океаны. Кто-то безразмерно богател, создавая сайты, приложения и продавая рекламу, а я, находясь в самом эпицентре «интернет-бури» нового тысячелетия – предпочла наблюдать.

Если бы только люди понимали, что они делают со своими жизнями... скольких бы трагедий удалось избежать, но, с другой стороны, если человек не испытывал боль, значит его сердце никогда не было разбито, а значит ему не доступен путь обновления.

Как бы то ни было – я смогла видеть всё, обучив «Тесея» взламывать любые сайты, приложения и базы данных, сортировать информацию, создавая «истории», описывающие события жизней людей буквально с момента их рождения.

Здесь в очередной раз раскрывалась неповторимая грань слияния... слияния с другими. Для меня эти «истории» не просто набор данных, но эмоциональный отпечаток, свидетельство того, что человек по-настоящему существовал, а не был выдуман кем-то в книге или фильме. Каждый человек – реален, к любому из них – можно прикоснуться, не прикасаясь при этом физически. Ведь слияние открывает путь прикосновения к Душе.

Эти переживания можно сравнить всё с тем же сексом. Когда стираются границы между «ты» и «не ты», когда волновая активность мозга меняется, подстраиваясь под волновую активность партнёра, создавая чистейший звук, вызывая гармонические колебания, вырывающиеся изнутри наружу в безудержном порыве, подобно приливной волне, жадно поглощающей пределы берега. Это, конечно, если секс хороший.

Помогать другим – это одна из форм слияния, способная дарить невероятные ощущения радости. Став хакером, я пробовала разные стратегии помощи, чтобы получать подобный опыт. Поначалу на основе полученной информации, я сама решала проблемы людей в одностороннем порядке, даже без их ведома, путём хакерских атак или использования компромата, но быстро обнаружила, что такой вариант – хотя и эффективен ситуативно, но в подавляющем

большинстве случаев ничего по-настоящему не менял в жизни человека надолго. Отдельная проблема уходила, но сам человек – оставался прежним и через какое-то время вновь оказывался в плену неприятностей. Пусть и не сразу, но я поняла, что без проживания прямого опыта преодоления, без столкновения с тем, что человека когда-то разрушило – ему не удастся понять смысл помощи, а значит не удастся исцелиться.

Если кто-то когда-нибудь будет спрашивать, какое право я имею делать всё это, то... моё право сформировано – *знанием о том, что происходит и возможностью на это повлиять*. Чёрт, звучит банально и пафосно, но на удивление точно.

Считаю слабаками и трюсами тех, кто знает, может влиять, но проходит мимо. Не важен масштаб, важно лишь – безразличие. К незнанию претензий нет, но игнорирование разрушения, пусть даже речь о незнакомых людях, это то самое лицемерие, ведь... случись что с этим же человеком, который знал о чужой беде и мог что-то сделать, но... не сделал, он же первый встанет на колени, возденет руки к небу и будет умолять о помощи, о счастливом случае, да о чём угодно, лишь бы избавиться от того, что с ним произошло. Контакт собственной плотью с процессом разрушения, быстро отрезвляет, жаль только, что это мало кого меняет в лучшую сторону затем. Потому что вскоре у таких людей безразличие вновь чаще всего занимает прежнее, доминирующее место в системе восприятия Мира.

Что ж, я и сама не идеал, пусть так, но лицемерие в себе я признаю и прикладываю усилия к тому, чтобы его преодолевать. Не всем придётся по вкусу как я это сделаю, но это уже не моя проблема.

А начался этот путь задолго до того, как я могла понять, что он начался, но сейчас мне это известно наверняка. В тот год мне исполнилось 7 лет, Осенью я должна была пойти в первый класс, кто бы знал тогда, что это было не просто очередное Лето. А последнее Лето моего детства.

Янтарными красками переливался вечер 24 июля, мой отец, который был тогда преподавателем истории в одном из городских Вузов, повёз меня смотреть на первый в моей жизни – звездопад. До этого я лишь слышала о нём, видела репортажи по телевизору, но, уж не знаю почему, родители никогда мне его не показывали вживую.

Мы выехали из дома ещё засветло, не помню точно, который был час, наверное, около 6 вечера. Буквально за 10 минут до этого, в мою комнату вошёл отец, прервав мою болтовню к подружкой по телефону и с присущей ему доброй, широкой улыбкой во всё лицо сказал:

– Пришло время отвезти тебя на звездопад. Собирайся...

Услышав папины слова, я испытала чувство эйфории и волнения, мне казалось, что вскоре я увижу нечто поистине волшебное, грандиозное. Кто-то мечтает про Новый год, кто-то про День рождения, ну, а моя мечта была – взглянуть в лицо Вселенной, пусть тогда я и весьма приблизительно понимала, что это такое, но точно знала, что это нечто очень таинственное, интересное и большое.

Быстро попрощавшись с подружкой, я мгновенно собралась и побежала к машине, в которой уже сидел папа и слушал свой любимый классический рок по радио.

– Это группа Van Halen. Надеюсь, что когда ты вырастишь, то тоже будешь слушать эту музыку. Сказал он, сажая меня к себе на колени.

Мне нравилось, когда он так делает, ощущала себя самым важным человеком на свете в такие моменты. Папа обычно подпевал песням, покачивал меня на коленях и гладил мои волосы, так было и в этот раз. Когда же песня закончилась, я перебралась на пассажирское сиденье, пристегнулась и мы отправились в путь. Отец не сказал, долго ли нам ехать и куда мы вообще едем, но мне было не важно, важно было, что мы едем смотреть на звездопад и что едем мы вместе.

Являясь историком и этнографом, во время совместных поездок, которые я обожала, отец всегда рассказывал про ту местность, по которой мы проезжали. Иногда это были истории городов, иногда какие-то подробности о растениях и животных, порой, о традициях и культурах. Казалось, его историям никогда не будет конца, так много он их знал.

На тот момент я ещё ни дня не провела в школе, но думала, что если школа – это что-то вроде папиных рассказов о Мира, то я точно буду обожать её. Ведь то, что он знал, как он рассказывал – вызывало восторг, интерес и желание чтобы он никогда не останавливался. Тогда мне казалось, что если и не все взрослые, то уж все учителя точно должны быть как мой папа – очень много знать и постоянно рассказывать что-то захватывающее.

Итак, мы ехали, я увлечённо слушала отца и смотрела из окна машины на калейдоскопом сменяющие друг друга картинки окружающего Мира. *Когда-нибудь я узнаю, как всё это работает*, думала я и улыбалась.

В какой-то момент мы свернули с большой асфальтовой дороги на узкую грунтовую почти что тропинку, скорость движения заметно упала, машина стала покачиваться из стороны в сторону, переваливаясь по колеям. Папа повернулся ко мне и сказал:

– Облачко моё, скоро мы уже приедем.

Да, папа называл меня Облачком, никогда не знала почему, но мне нравилось. Постепенно мы выехали в просторное поле, которое показалось мне сначала морем, но потом я поняла, что это не вода, а трава, поскольку всё вокруг было зелёным. Перед моим взором очутилось просторное летнее поле, которому не видно было ни конца, ни края, лишь несколько деревьев виднелось за спиной, по направлению, откуда мы приехали.

Папа остановил машину, заглушил двигатель и сказал:

– Именно отсюда мы с тобой и будем сегодня смотреть на звездопад. Обещаю, тебе понравится.

Дорога заняла у нас около двух часов, постепенно начинало смеркаться, и я отчётливо помню тот первый момент, когда, взглянув вверх, я увидела на уже изрядно потемневшем небе первый сверкнувший огонёк.

– Папа, я вижу его, я вижу его, буквально завизжала я, радостно подпрыгивая. Потом подбежала к отцу, который сидел на траве и обняла его, пока он смотрел на меня. Его взгляд... такое невозможно забыть, взгляд полный любви, спокойствия и радости.

Впоследствии мне доведётся видеть великое множество несчастных детей, и я знаю, что многим из них не хватает вовсе не игрушек или сладостей, а одного лишь любящего взгляда, который дарует покой и связывает тебя со всем живым Миром, давая понять, что надежда есть и всё будет хорошо.

– Да, ты права, это и есть звездопад, ответил отец, пока я висела в нём. – Подожди ещё немного, пока станет потемнее, и ты увидишь множество таких огоньков.

Я села рядом с ним. Мне не хотелось ничего говорить, я не устала, а просто... все слова будто бы забылись, оставив меня наедине с тем, чего я так хотела и ждала. Наверное, отец каким-то образом понял моё состояние, может быть он сам чувствовал нечто схожее, а потому тоже на достаточно долгое время замолчал.

Вглядываясь в небесную даль, я словно пыталась приблизить происходящее там, словно хотела дотянуться до тех величественных звёзд, то тех сияющих недосыгаемым великолепием огоньков, что неслись по Вселенной где-то там...

Становилось всё темнее, но, вместе с тем, эта темнота открывала новый вид света, целый спектакль света, лившийся на нас с небес. Я на какое-то мгновение отвела глаза в сторону и увидела, что вокруг нас собрались ещё люди, наверное, несколько десятков, но я даже не заметила, как и когда они тут появились. Потом перевела взгляд на отца, мне почему-то показалось, что в его глазах была грусть, но не тяготящая и терзающая, а скорее созерцательная.

Конечно, будучи всего лишь семилетним ребёнком, тогда я не могла понять этого, но чисто интуитивно поняла другое, что происходящее сейчас – нечто особенное. После чего вновь посмотрела вверх, растворившись в моменте.

Спустя какое-то время, папа заговорил. Он начал рассказывать историю о Тесее, который был одним из самых известных персонажей древнегреческой мифологии. Тесей, который по легенде был сыном Бога Посейдона и царицы Эфры отличался храбростью, отвагой, справедливостью и желанием помогать людям, попавшим в беду. Он был силен, мудр и красив, совершил множество подвигов, но в рассказе отца акцент был вовсе не на геройских поступках Тесея.

– Однажды, начал отец, Тесей возвращался из дальнего странствия один, его застала тяжёлая буря и он сбил с пути. Тогда, будучи сыном Бога моря Посейдона, Тесей максимально глубоко вдохнул и затем – выдохнул в небо с такой силой, что тяжёлые тучи буквально растворились под натиском его дыхания, обнажив ночное звёздное небо. И посмотрев в открывшиеся небеса, Тесей увидел звездопад. Он знал, что это не просто звёзды, а сигналы обитателей Олимпа, говорящие ему, в какой стороне находится дом и куда нужно идти. После чего от отправился в путь и вскоре, к рассвету, благополучно дошёл до дома.

– Значит если я потеряюсь, то смогу узнать дорогу домой по звёздам в небе? Спросила я.

– Да, Облачко, сможешь. Темнота, которая заполняет небо – это холст, а звёзды на нём – это такие волшебные трещинки, через которые свет проникает в наш Мир. И если кто-то потерялся в темноте, то ему всегда нужно искать трещинки, чтобы увидеть свой свет. Этот свет – обязательно укажет дорогу домой. Есть такая наука – астрология называется, добавил

он, обняв меня и прижав к себе. – Если захочешь, то сможешь всё-всё узнать о звёздном небе и уже никогда не потеряешься. Сможешь быть как Тесей, помогать другим людям найти свой путь, если им понадобится помощь.

– Ух ты, конечно хочу, выпалила тут же я. – Это же... это же я всегда буду знать, где вы с мамой находитесь, даже когда вырасту и буду жить отдельно. Па, а ты научишь меня астрологии?

– Научу тому, что сам знаю, ответил он. И добавил... – Если же захочешь знать больше, то учиться нужно будет у очень умных людей, которые изучают космос всю жизнь.

– Всю жизнь...? А что, он настолько большой? С некоторым удивлением спросила я.

– Да, он не просто большой, он очень-причень большой, настолько большой, что люди даже не знают, где он начинается и где заканчивается. Учёные, которые изучают космос, как раз это и выясняют. Они пытаются понять, что там есть и как оно работает. Почти также, как это делаю я, занимаясь изучением истории, но только у них – гораздо больше работы. Может быть ты однажды сможешь помочь людям больше узнать о том, что там... в этом космосе.

– Я пока не знаю, что буду делать, когда стану взрослой. Мне многое интересно, ответила я. – Может буду как мама – писать книги, а может стану учителем – как ты, но... звёзды красивые.

Говоря это, я видела, как улыбается отец, с каждым моим словом он будто делал открытие, внезапное и воодушевляющее, от него так и веяло теплом.

– Смотри, сказал он, указав рукой на небо...

Я взглянула... и там было нечто невообразимое... всё небо было заполнено ярчайшими огоньками, которые словно играли в догонялки друг с другом, совершая то, что с земли можно было назвать прыжками. Было похоже на какой-то мистический танец, или на то, как летят стрелы, выпущенные из лука. Тогда я поняла, как Тесей догадался, что это не просто звёзды, а знаки, указывающие путь.

Волшебство того момента невозможно преуменьшить или доподлинно описать словами, да и не знала я много слов тогда, зато... запомнила свои чувства. И помнила их с того дня каждый свой последующий день. Не знаю, сколько прошло времени, но отец вдруг сказал...

– Знаешь, уже поздно, нам пора собираться, ведь нас дома ждёт мама.

– Ладно, пап. С явной неохотой сказала я.

То, что мне удалось увидеть и ощутить – стало воплощением самого заветного желания детства. Даже уезжая оттуда, прощаясь мысленно со звездопадом, на Душе моей была лёгкость, хотя я всё-таки заплакала...

– Почему ты плачешь, Облачко? Спросил папа, когда мы уже сели в машину.

– Я бы хотела, чтобы этот момент никогда не кончался, сквозь слёзы ответила я.

Тогда папа протянул мне платок, вытер слёзы с моего лица и сказал:

– В жизни будет ещё много классных моментов. Такие моменты похожи на песни. То, что песня заканчивается, не значит, что она исчезает или становится плохой. Моменты будут проходить, но у тебя будут оставаться воспоминания. Волшебные картинки, которые ты всегда сможешь пересмотреть, если закроешь глаза.

Мне понравилась эта идея про воспоминания и я успокоилась. Поскольку время было уже далеко полночь, а так долго не спать мне было непривычно, то под убаюкивающий шум дороги, доносившейся из-под колёс машины, я заснула. Не помню, как мы приехали домой и как папа перенёс меня в кровать... помню уже утро, когда проснувшись, вспомнила всё, что вчера видела. Встала с кровати, подошла к столу, взяв, лежавшие там цветные карандаши и тетрадь, села на пол и... стала рисовать. Как могла, я нарисовала то поле, нас с папой, сидящих рядом друг с другом и конечно же – бескрайне ночное небо, заполненное огоньками звездопала.

Этот рисунок я отдала маме, сказав ей:

– Мам, жаль, что ты не смогла с нами вчера поехать, но это тебе на память.

А мама, обняв меня, ответила:

– Спасибо, доча. Вот что случается, пока падают звёзды... В следующий раз мы обязательно поедem втроём, добавила она и повесила рисунок на холодильник, прикрепив его магнитами.

Оглядываясь назад – именно тот день – стал поворотным для меня. Именно из него я почерпнула то, что пронесла с собой через всю дальнейшую жизнь и что продолжу нести в дальнейшем.

Но вскоре всё изменилось... через 3 месяца после той поездки, отцу поставили диагноз – гипертрофическая кардиомиопатия – это такое заболевание, при котором происходит утолщение стенки левого желудочка сердца, оно неизлечимо, особенно, если обнаруживается на поздней стадии. По сути, единственным спасительным вариантом является – трансплантация. К сожалению, спустя лишь 5 месяцев после диагноза, буквально за пару недель до моего восьмого дня рождения – папа умер, так и не дождавшись пересадки сердца.

Мир, каким я его знала, понимала и любила – разрушился практически мгновенно, хотя, нет, 8 месяцев, которые папа болел, для семилетнего ребёнка – это совсем не мгновенно, это была невыносимая вечность, практически наверняка обречённая закончиться ужасом потери.

Я понимала, что такое болезнь, что бывают серьёзные болезни, когда людям очень плохо, знала, что такое смерть, но смутно представляла себе, что папа может умереть, ведь эта болезнь... с виду никак не выражалась. Просто папа чаще был уставшим, перестал бегать и ходить в тренажёрный зал, а сразу после Нового года – он уволился с работы и всё время находился дома, практически постоянно в своём кабинете, сидел в кресле и что-то писал. Казалось, что всё в порядке, но по поведению мамы, других родственников и друзей семьи было видно,

что что-то явно не так. Понятно дело, что мне ничего не говорили, кроме общих фраз о том, что папа болеет и ему нужно больше отдыхать.

Понимаю, трудно, до невозможности немислимо, объяснить семилетней дочке, что её папа возможно скоро навсегда покинет её, без каких-либо причин.

Помню тот день, 17 марта, когда проснувшись и спустившись из своей комнаты на кухню, увидела там двух врачей, а на стуле сидела мама и плакала. Понятия не имею как, но я всё сразу поняла... подбежала к маме, обняла её, насколько могла дотянуться и спросила:

– Мам, папа умер, да?

Она крепко обняла меня, и я не смогла сдержать слёз. После чего села к ней на колени... мы обе плакали, пока один из врачей не вмешался с каким-то вопросом.

Я не видела папиного тела, практически не помню похорон, лишь отдельные фрагменты. Помню точно, что было в то утро солнечно и тепло, что редкость для марта в наших краях. Отчего-то мне подумалось, что это папа так улыбается мне оттуда, куда он ушёл, ведь человека более доброго и открытого я в своей жизни не встречала. Уверена, если бы он мог, то точно развеял бы мрачное мартовское небо и наполнил всё ещё достаточно мёрзлый воздух теплом своего безмерного любящего сердца.

Да, мой Мир с тех пор изменился. Полагаю, именно проживание опыта смерти близкого лишает человека истинной невинности. Пока не познаешь соприкосновения с разрушительной стороной Жизни, имеешь привилегию прибывать в первозданном покое Души. Конечно, что-то неприятное и болезненное может происходить, вызывая бури эмоций, тупики, непонимания, оторопь и бессилие, но... куда всему этому до Смерти?

Постепенно я стала становиться другой, незаметно для себя, день за днём. Больше всего пугало поначалу, что не слышу папиного голоса, когда просыпаюсь утром и иду на кухню. Обычно они к этому времени уже были там с мамой и о чём-то разговаривали, а теперь... меня встречала утром и провожала вечером – тишина.

Эта тишина не вызывала страха или отвращения, просто... одиночество, которое нечем было заполнить, но в котором невыносимо было находиться. Помню, что мама говорила о том, что плакать – это нормально, когда скучаешь по любимому человеку, и я... плакала, ведь я скучала... по папе.

Уже позже я узнала, что не все отцы такие, как мой, не все заботливые, добрые и наполняющие покоем, но тогда... я так завидовала друзьям, ведь их папы были дома. Однако смерть отца меня отнюдь не сломала, изменила, да, но не сломала. Мне удалось пройти этот период и остаться целой благодаря двум важнейшим вещам.

Первой из них стала книга, которую, как оказалась, отец писал в последние пару месяцев перед смертью. Вероятно, он знал лучше других, что ему осталось недолго и последним его действием было – написание этой книги, адресованной лично мне. В ней он максимально глубоко и искренне обращался ко мне, описывая тот переход, который ему предстоит.

Делал он это в своей излюбленной манере, подбирая точные и будто бы успокаивающие фразы, которые отвечали на вопросы быстрее, чем те успевали появляться в череде накатывающих мыслей. Он писал об истории Мира в разрезе опыта отношения к Смерти и умиранию, писал о традициях различных культур и народов. Дополнил всё это взглядом теоретической физики и космологии, подведя меня в итоге к выводу, что Смерти как бесповоротного конца чьей-то жизни – не существует. Вместо этого – происходит переход из одного состояния, привычного нам, в котором мы живём на земле, в другое – незримое, но столь же реальное – энергетическое. Помню... как мне понравилось это достаточно странное слово – э-н-е-р-г-е-т-и-ч-е-с-к-о-е.

Как я поняла тогда, до того, как превратиться в тех, кем мы являемся сейчас, мы уже были формой энергии и составной частью того самого космоса, у которого нет ни начала, ни конца. Но после того, как наше тело перестаёт работать, мы снова возвращаемся в космическое пространство. Папа это сравнил с круговоротом воды: сначала вода проливается дождём, затем испаряется, охлаждаясь в высоте, вновь становится водой и потом – опять отправляется на землю вместе с дождём.

Папа написал, что физики подобный круговорот, но уже не воды, а энергии, объясняют и называют – *Законом сохранения энергии*, согласно которому – вся возможная энергия, из которой состоит абсолютно всё во Вселенной, и сама Вселенная, появилась сразу, в тот миг, когда Вселенная родилась. Он ещё сравнил это с тем, как рождаются дети, заметив, что дети ведь рождаются сразу целые, со всеми частями тела и органами, которые должны быть. Но самое главное, что эта энергия не может быть уничтожена, то есть бесследно пропасть куда-то, ни единая её часть. Вместо этого – энергия из одной формы переходит в другую. Так она вначале попадает в наше тело, а потом, когда тело умирает, попадает в просторы космоса, а затем – снова принимает какую-то форму, не обязательно человеческую, может быть форму кошки, облака или дерева.

Я, разумеется, плакала, когда читала это послание, но папа описывал всё настолько подобному и по-простому, что не возникало ни малейших сомнений в том, что он знает, о чём говорит и что ему можно верить. В правдивости всех его объяснений я убедилась позже, изучая космологию в институте.

Но тогда, пожалуй, самым главным была папина мысль о том, что – абсолютно нормально, что мне будет без него грустно, не день и не два, а скорее всего, всегда, как и ему было грустно без его родителей, но что при этом эта грусть не должна быть грузом, а может стать – вдохновением, которое можно использовать для созидания, для помощи другим. В завершении книги он предложил мне посадить дерево, как символ нашей с ним вечной связи и любви, чтобы я всегда могла с ним поговорить, даже обнять или просто побыть рядом в тишине.

Он писал, что через шум листьев и ветвей того дерева – он обязательно будет общаться со мной, шептать слова заботы, поддержки и любви. И что сколько бы лет ни прошло, наша связь пройдёт через все испытания и станет лишь крепче. Мама отдала мне это папино послание не сразу после событий, а уже летом. Дочитав всё до конца, я попросила её помочь мне, и мы обе посадили по дереву в память о папе. Я выбрала – клён, а мама – тополь. Посадили мы эти деревья на том самом поле, куда отец возил меня смотреть на звездопад. Кстати, со временем я купила всю эту землю, всё то практически бескрайнее поле, построила там дом, в котором и нахожусь сейчас.

А дерево, посаженное мной когда-то, благополучно разрослось и продолжает расти. Я по-прежнему хожу к нему, общаюсь с папой в особые для себя дни. Я даже поставила рядом качели, потому что помнила, как папа любил кататься на них, как катал меня и маму. Странно, но в детстве я не особо-то и любила качели, но зато повзрослев, могу кататься часами, расслабляясь и растворяясь в создаваемой ими невесомости.

Как и прощальное послание отца, написанное им в последние дни его жизни, по-прежнему со мной. Когда мысли полнятся сомнениями, а образ цели и смыслов ускользает, будто недосмотренный сон, я заглядываю в эти страницы, будто вдыхая свежего воздуха и наводя фокусировку, проясняя взгляд.

Писал папа свою книгу на печатной машинке, так он делал всегда. Когда я возвращалась домой с прогулки, то мне не нужно было даже спрашивать, дома ли он, ведь если я слышала этот ритмичный стук, то он точно был дома. И в таком случае я сразу же бежала в кабинет и усаживалась к нему на колени, чтобы посмотреть, что он там пишет.

А папа никогда не был против, никогда не останавливал меня, хотя, очевидно, что я в такие моменты его отвлекала от работы... наоборот, он радовался. Кстати именно сидя вот так у папы на коленях я начала учить буквы, он их показывал на клавиатуре печатной машинки и рассказывал про каждую букву, потом давал мне нажать на клавишу, после чего раздавался щелчок, и буква появлялась на листе бумаги.

На обложке же той самой книги папа от руки нарисовал чёрным карандашом круг, внутри которого заглавными буквами было написано одно лишь слово – ЖИЗНЬ.

Второй вещью, которая помогла мне пережить смерть отца и не разрушиться под потоками эмоций, стала – стрельба из лука. Сейчас это незаменимый для меня способ почувствовать силу, уверенность и настроиться на интуитивное действие, но тогда... подобное занятие стало, своего рода, освобождающим приключением, смысл которого, как, впрочем, и многое из событий тех лет, я смогла осознать лишь гораздо позже.

Как девочка, которой едва исполнилось восемь лет пришла к стрельбе из лука? Хороший вопрос, а ответ столь же хорош и прост – благодаря маме. Моя мама – писатель в жанре детективов, и переводчик редких иностранных книг по древней архитектуре. В юности же – она была профессиональной спортсменкой, членом Олимпийской сборной, как, наверное, уже можно догадаться – по стрельбе из лука. Но в 23 года профессиональный спорт мама оставила из-за того, что в её жизни произошли два крупных события практически одновременно: они с папой сыграли свадьбу и... была издана её первая книга. А потом, 10 лет спустя, когда мама собиралась попробовать вновь вернуться в спорт, родилась я и у неё появилась новая роль, и началась новая часть жизни. В спорт она так и не вернулась.

Однако стрельба из лука из её жизни никуда не делась. У нас на заднем дворе было специальное стрельбище, и я там в детстве проводила много времени, наблюдая за мамой. Каждый день, по крайней мере, когда была такая возможность, мама хотя бы час уделяла стрельбе. Для неё это был целый ритуал... вначале она выставляла мишени на разные дистанции, потом при помощи специального прибора определяла направление ветра, после чего начиналось самое интересное и завораживающее, за чем мне так нравилось наблюдать. Мама доставала из кейса лук, хранившийся в разобранном состоянии, бережно и аккуратно, следуя чёткому алгоритму, она скрепляла часть за частью, причём... делая это с закрытыми глазами. Я и поняла-то это не

сразу, а когда поняла, даже не поверила сначала. Во время сборки лука её губы шевелились, было件нятно, что она что-то говорит, точнее, проговаривает про себя, но что именно – я не знала.

После того, как лук был собран, мама закрывала кейс, брала в руки колчан со стрелами и шла к стартовой точке, из которой стреляла. Дальше же, начиналась новая часть магического действия, которая была похожа на танец или может на что-то, для описания чего я не могла тогда, да и сейчас не могу, подобрать точных слов. То, как мама вставала в стойку для стрельбы, затем брала стрелу, помещала её в лук, натягивала тетиву и... как будто бы совсем не целясь – выпускала стрелу... всё это было единым и слитным движением. Лук, стрела и мишень – были не отдельными объектами, а продолжением маминого тела, так это изящно и гармонично смотрелось в её исполнении.

Столь же кстати умиротворяюще выглядело и окончание всего ритуала, которое заключалось в том, что мама шла к мишеням, вынимала из них стрелы, складывала их назад в колчан, собирала и уносила в специальный шкаф мишени, после чего... неторопливо и также с закрытыми глазами разбирала лук и убирала его в кейс.

Мне казалось, что стрельба из лука – это какая-то суперсила, потому что я видела, как пытался стрелять папа и друзья нашей семьи, но у всех это выглядело так нелепо и неуклюже, что я просто не понимала, как мама так может, а все остальные нет.

Я наблюдала за маминой стрельбой лет, наверное, с трёх, когда мне в принципе разрешили выходить на ту часть заднего двора, где было стрельбище. Там находился специальный помосток, на котором можно было сидеть, оттуда я и смотрела. Мама всегда говорила, что научит меня стрелять так же, как она – легко и точно, но мне для этого нужно подрасти.

Смерть отца отразилась не только на мне, но и на маме. Я старалась её как-то утешить, помню, приходила перед сном к ней в комнату и обнимала её, желая спокойной ночи каждый день, как минимум полгода после похорон. Я заметила, что на какое-то время мама прекратила выходить на стрельбище, хотя уже наступила тёплая часть Весны и близилось Лето, но вот однажды... я проходила по веранде, как краем уха услышала знакомый звук... звук выпущенной стрелы. Этот звук ни с чем не спутаешь, если слышал его так часто, как это делала я.

Я тут же ускорила шаг и направилась на задний двор, увидев там маму в полной экипировке – обрадовалась. Мне показалось, что она впервые тогда снова улыбалась и была похожа на ту самую маму... стремительную, жизнерадостную, яркую, почти огненную. Сама не знаю отчего, у мамы ведь волосы были чёрные, но всегда, когда она их распускала, первое, о чём я думала – её волосы похожи на пламя костра... так они развивалась и блестели при свете дня, а уж под лучами Солнца и тем более.

Ничего не говоря ей, я забралась на своё привычное место и стала наблюдать. Мама, заметив меня, подозвала к себе жестом руки. Я спустилась и подошла к ней.

– Я думала сделать это гораздо позже, когда ты станешь выше, но время распорядилось иначе, и я буду учить тебя стрелять из лука уже сейчас. Хочешь? Взглянула она на меня, улыбувшись.

– Конечно хочу, ответила я и обняла её.

– Но стрельба из лука – дело трудное, придётся много времени тренироваться и быть терпеливой. Будто бы проверяя мою решимость, пояснила мама.

– Да, я знаю и научусь, сказала я.

С того самого дня и начались наши тренировки. Надо сказать, это и правда было трудно. Около месяца я вообще не касалась лука, отработывала только стойку, положение тела, рук. Вне стрельбища я изучала устройство лука по инструкции с картинками, кроме того – начала делать упражнения на укрепление силы рук.

Всё это мы делали с мамой вместе, каждый день. Утром и вечером. Иногда мне не хотелось что-то делать, потому что проходило много времени, а лука я так ещё и не коснулась ни разу, но потом я вспоминала мамину улыбку во время наших занятий, вспоминала то, что папа написал в своём послании о радости в жизни, и силы на занятия появлялись сами собой. Кроме того, было вообще-то очень интересно и увлекательно.

Не считая папиных рассказов и другой информации, которую я слышала от взрослых, эти тренировки – были моим первым настоящим опытом, в котором я познавала системный подход... к телу, к деятельности, к Миру в целом. Конечно же, я тогда так это не называла, но дело никогда не было в названиях, дело всегда – в сути происходящего.

Меня привлекали и увлекали мельчайшие детали, из которых состоит, с виду в общем-то простое занятие – стрельба из лука. Вблизи же это – фундаментальный процесс, обширный цикл, состоящий из множества фаз, каждую из которых необходимо освоить на уровне автоматизма, чтобы добиться успеха. И я сейчас говорю не про спортивный успех, а про – чистое удовольствие от стрельбы.

Выпускать стрелу по мишени – это та форма контроля, которая позволяет проникать вглубь себя, своей памяти, свои страхов, своих надежд. В этот короткий миг – всё сжимается в одну точку, весь Мир словно аккуратно зажат в ладони и ждёт... ждёт пока ты примешь решение и сделаешь выбор.

Но до этих ощущений в моменты начала тренировок мне было ещё далеко. Я проявляла упорство, делала всё, что говорила мама и вот наконец она сказала, что я готова взять в руки лук. Именно взять в руки, а не начать стрелять.

Мне запомнились несколько ощущений от первого контакта с луком. Прежде всего это его солидный вес в руке и то, как трудно удерживать даже приблизительно правильное положение тела, держа лук. Необходима не только физическая сила, но и приличная растяжка, как и навыки равновесия. В этом и был следующий этап тренировок – нарабатывать навык нахождения в нужном положении, привыкать к луку, учиться чувствовать его.

Но в итоге... оно того стоило. Когда я более-менее по маминым словам освоилась с луком и правильным положением, мне наконец-то удалось сделать свой первый выстрел. В мишень я конечно же не попала даже близко, но это было не важно... важен был сам факт того, что теперь мне осталось научиться последнему этапу во всём этом процессе.

Мне конечно же нравились не только сами занятия, но и то, что мы много времени с мамой проводили вместе. Думаю, ей это было даже нужнее, чем мне тогда. Наши тренировки позволили ей переключиться, некоторым образом прийти в себя, да и просто что-то снова ощутить... что-то, кроме боли потери.

Ну, а в меня был заложен ещё один кирпичик, послуживший основой того, кем я стала теперь. Потому что сейчас – я стреляю из лука ничуть не хуже, чем мама в лучшие свои дни. Пусть у меня нет спортивных разрядов и побед, но навыком я овладела в совершенстве.

Ключом к навыку оказался не сам лук, не положение тела, и не прицеливание, а – дыхание. Важность дыхания в процессе стрельбы я осознала гораздо позже, сначала делала всё на автомате, как говорила мама. Вдохни – и входи в правильное положение, выдохни – и стреляй. Долгое время мне это казалось простым алгоритмом, который нужно выполнять, но потом я поняла, что дыхание – это такой же инструмент и что его нужно уметь настраивать и тогда – всё меняется. Именно тогда процесс стрельбы становится похожим на слитное движение, как у мамы. Для освоения правильного дыхания и развития гибкости уже будучи в старших классах школы я начала заниматься Йогой.

Но, вновь возвращаясь к самому началу тренировок, в памяти всплывает ещё кое-что и по сей день важное для меня. Неумолимая тишина, которая вошла в мою жизнь после папиной смерти, не давала мне покоя, и в поиске того, чем её заполнить, я как-то зашла в его кабинет, а там на полках лежали музыкальные диски, тот самый рок 70-80-ых, который он так любил. У него была обширная коллекция, наверное, около пятисот дисков. Я взяла некоторые из них к себе в комнату и стала слушать. Сначала просто так, чтобы вспомнить папу, выискивала среди мелодий любимые папины песни, а потом... начала включать музыку специально во время тренировок. Именно так классический рок стал неотъемлемой частью меня, источником раздумий, эмоций, вдохновения, принятых решений.

Как я и говорила – то были по-настоящему поворотные и определяющие для меня события, уместившиеся в весьма сжатый промежуток времени. Если вести отсчёт от нашей с отцом поездки на звездопад и заканчивать тренировками с мамой по стрельбе из лука, то прошёл ровно год.

Не случись всего этого или хотя бы чего-то из тех событий – весьма вероятно, я была бы совсем иным человеком и делала бы сейчас что-то другое. Возможно, была бы более беззаботной и легкомысленной, более обычной и менее задумчивой, но, впрочем, то и вправду была бы уже не я.

В те далёкие ныне годы, я прожила свой опыт слияния через соприкосновение со Смертью, прожила его максимально глубоко, не скрываясь и не прячась, просто не умела этого делать, а благодаря обстоятельствам – и не пришлось. Спасибо за это как маме, которая была рядом и помогла мне в этом процессе, так и конечно же папе, который через оставленное послание, будто тоже проживал всё это вместе со мной, протягивая руку помощи, вернее – заключая меня в исцеляющие объятия.

Листая страницы воспоинай, невозможно пройти и мимо следующего знакового события, повлиявшего на меня и открывшего целый новый Мир, в котором заключены другие бесконечные Миры.

Когда мне исполнилось десять лет, мама подарила мне компьютер. Раньше я компьютеры видела только в кино, даже толком не знала, зачем они нужны. Немыслимо для сегодняшних десятилеток. Мама сказала, что при помощи компьютера можно научиться многим полезным вещам. Тогда мне казалось это странным, ведь, как можно чему-то научиться, сидя перед экраном, на котором даже фильмы не показывают, но... я ошибалась.

Поначалу я конечно просто играла в игры, которые были записаны на дискетах, но это было не так уж интересно, и вскоре я начала изучать сам компьютер по примеру того, как изучала когда-то устройство лука. Вооружалась отвёртками, карандашами, чтобы нарисовать и запомнить, что и куда подсоединяется и разбирала системный блок. Однако быстро поняла, что всё не так просто и что мне не хватает информации. Поэтому попросила маму найти мне какие-то книги или журналы про компьютеры. К четырнадцати годам я уже научилась взламывать простейшие игры, и даже постепенно вникала в основы кодирования на ассемблере.

Примерно в это же время у нас дома появился интернет и Мир для меня в очередной раз изменился... чтобы его изучать, нужна была помощь. Через знакомых в школе я достаточно быстро нашла тех, кто понимал в компьютерах, это были ребята постарше, сначала они просто прикалывались надо мной, но когда я показала, написанную мной примитивную программу «шифратор», как я её назвала, они стали относиться ко мне всерьёз.

Был один парень, лет около девятнадцати, называл себя «Enter», он устроил в отцовском гараже что-то вроде «хакерского клуба». Именно там я обретала и оттачивала навыки кодирования и взлома. Временами наша компания, насчитывавшая около восьми человек со всего города, устраивала соревнования, чтобы показать, чему каждый научился. На спор взламывали различные компьютерные программы и игры, городскую систему управления светофорами, запускали вирусы в управление теплосетями, в общем, развлекались и тестировали грани возможного.

Сама не знаю как или почему, но давалось всё это мне очень легко. Там, где гораздо более старшие парни могли возиться много часов, мне хватало вдвое меньшего времени. Кто-то завидовал мне и издевался, но «Enter» воспринимал меня как младшую сестру и всегда защищал от нападок других, хотя я и сама бала не робкого десятка, просто предпочитала не привлекать к себе излишнего внимания. Кстати, именно он дал мне моё хакерское имя – Рейна, которое писалось вот так: *R@Ina*.

Мама была хорошо знакома с семьёй этого парня, знала, что у него есть две младшие сестры, а потому отпускала меня к нему без особых вопросов, главное, мне нужно было, во-первых, быть дома в оговорённое время, во-вторых, «компьютерные дела» не должны были мешать учёбе в школе в плане посещаемости и успеваемости. Так и было, но об истинном размахе и смысле моего увлечения компьютерами мама не догадывалась тогда... как не догадывается и сейчас.

Я сознательно выбрала стратегию «ухода в тень»... это всегда казалось мне наиболее эффективным способом быть на виду, но при этом – быть невидимой. Когда ты намного младше тех, кто тебя окружает, быстро учишься этому. Кроме того, хакерство само по себе было палкой о двух концах, с одной стороны, оно открывало практически все двери, в том числе в чужие жизни, но с другой, нужно было быть невероятно аккуратной, чтобы тебя не поймали и светиться даже среди тех, кого можно назвать «своими» – я не хотела, интуитивно чувствовала, что это излишний риск.

Так получилось, что я скрывалась ото всех, но... не от себя. Кто-то видел одну мою сторону, кто-то другую, кто-то третью... некоторые видели несколько этих сторон хотя бы частично, но все их целиком и вместе – не видел никто, только я. Привычка быть везде и нигде – переросла в гораздо большее со временем.

Не только кодирование и хакерство давались мне легко, но и учёба в школе тоже. Не стала бы превозносить себя, я вовсе не была гением, просто... школьный материал оказывался чаще всего примитивным и скучным. Я делала то, что от меня требовалось, но не более, это экономило кучу времени и давало возможность заниматься своими делами, в частности компьютерами и тренировками по стрельбе из лука.

К тому моменту, как пришла пора оканчивать школу и выбирать Институт, я уже успела изрядно набраться опыта в хакерском амплуа, оставаясь анонимной даже для сообщества. В частности, написала парочку вирусов, устроивших приличный переполох на ключевых финансовых биржах Мира, раскопала и отправила в прессу компромат на десятки крупных международных политиков и бизнесменов, закончивший несколько карьер и, прямо скажем – неудачных браков. Помимо этого, именно тогда моим увлечением стало наблюдение за людьми через взломанные веб-камеры и камеры городского видеонаблюдения. Это было не трудно сделать, ведь все эти камеры и сейчас-то не особо защищены, а 15 лет назад – защиты фактически не было вовсе... тем более для того, кто знал, что и как делать.

Поначалу я наблюдала из чистого интереса, но потом... чем больше я смотрела, тем больше видела... настоящую жизнь, ту, которую обычно не увидишь, ту, которую люди скрывают... свои неприглядные поступки, ссоры, ложь, секреты, измены, насилие, свою боль, одиночество, отчаяние. Видеть это было тяжело, но... когда заходишь так далеко, то остановиться уже невозможно. Хакерство – это конечно занятно, но я всегда воспринимала его как инструмент познания и развлечения, способ учиться, тогда как интереснее и важнее самих людей, настоящих людей – для меня никогда ничего не было. И представившаяся возможность видеть этих людей без масок, вне привычных иллюзий, стала для меня подобно источнику воды в пустыне.

Чтобы понять поведение – его можно только наблюдать, уже тогда я поняла, что люди – не компьютеры. Разнообразие и странность, порой вплоть до нелепости, человеческого поведения – это прямая противоположность компьютерам, о которых я знала чуть больше, чем всё. Читая в школе учебники по истории, обществознанию, философии или психологии, книги, которые мы изучали на уроках литературы, можно было подумать, что вся эта система образования пытается сказать, что людей удалось объективировать, расшифровать их поведение, выделить и обозначить каждый уголок и аспект жизни, но... на самом деле – большего заблуждения представить сложно. Видя настоящих людей, когда они проявляют свои наиболее искренние или тёмные, скрываемые стороны, становится очевидно, что каждый, кто когда-либо утверждал, что что-то понял о людях... либо идиот, с узким кругозором, не желающий увидеть масштаб своей глупости, либо попросту – лжец, желающий прославиться и заработать. Даже не знаю, каких в истории человечества было больше, в любом случае – если бы они по-настоящему смотрели на людей и видели их так, как вижу я, уверена, написания огромной кучи бессмысленных книг, удалось бы избежать.

Я смотрела, видела сломанных людей, но ничего не могла сделать, в какой-то момент отчаянье стало столь велико, что я даже удалила всю свою систему и пришлось потом писать её

заново. Но я не только не могла ничего сделать, главным было другое – я не знала, что вообще можно сделать... с несправедливостью, с жестокостью, с болью, с одиночеством, с глупостью в конце концов. Это угнетало, но я дала себе обещание разобраться в этом вопросе и найти способ. До этого предстояло проделать ещё огромный путь...

Касаемо же окончания школы и дальнейшей учёбы... какое-то время я раздумывала о том, чтобы поступить на факультет кибернетики и вычислительной математики, но остановила себя, ибо это был риск раскрыться, ведь рано или поздно мои навыки стали бы заметны, а если скрывать их, то и вовсе не было никакого смысла учиться. И тогда, в качестве заманчивой в плане возможности узнать больше о людях альтернативы, я выбрала медицинский Институт, факультет генетики и биоинженерии. Именно там я получила своё первое высшее образование.

Окончив его, я не пошла в аспирантуру в Исследовательский институт генетических заболеваний, потому что знала, что если окажусь там и стану заниматься поиском лечения заболеваний, то навсегда увязну в застенках лабораторий, а мой путь был не в сужении, а в расширении. Поэтому, в значительной степени, чтобы почтить папину память и конечно же узнать что-то новое, что давно меня влекло, я поступила в Технологический институт, на факультет астрофизики и космологии.

Однако, всё время учёбы в обоих Институтах, я продолжала наблюдать за людьми, используя свои хакерские навыки. Это наблюдение ширилось и усложнялось, во многом способствовало этому распространение телефонов с камерами, ноутбуков, развитие социальных сетей, а позже мессенджеров и необъятной кучи приложений. Вскоре я поняла, что информации слишком много, как и различных баз данных, программ и приложений, а потому, если я планировала весь этот процесс перевести во что-то существенное и начать использовать данные, получаемые через наблюдение, то нужно было создавать инфраструктуру.

Именно тогда я пришла к идее внешнего воздействия на ситуации, с целью оказания помощи людям в исцелении их ран, в освобождении от оков, ловушек и иллюзий, в которых они жили, будучи по тем или иным причинам – сломанными.

Составной частью инфраструктуры должны были стать собственные серверы, чтобы анализировать и хранить информацию, и конечно же – инструмент, который непосредственно осуществлял бы взлом и извлечение специфической информации в автоматическом режиме, поскольку виртуальное пространство стало слишком большим для того, чтобы всё делать вручную. Тогда-то и появился «Тесей», вначале просто как концепция системы, поскольку для реализации подобного плана – нужны были средства и не малые. И, разумеется, нужна была земля, на которой можно было бы инфраструктуру разместить, по возможности незаметно и не привлекая внимания.

Раньше я не прибегала к воровству денег при помощи взлома, но не из-за какой-то особой правильности, а лишь потому, что в этом никогда не было необходимости. Деньги – не являлись моей целью и обычно их более чем было достаточно для удобной и комфортной жизни. За это спасибо трастовому фонду, который родители создали при первых серьёзных заработках с маминых писательских гонораров. Однако, та задача, которую я в общих чертах себе обрисовала, требовала куда больших средств, чем я имела и чем могла... законно получить, тем более, что я тогда была студенткой и времени на какую-либо работу – не оставалось.

У одного из профессоров в технологическом институте, сын работал в Нью-Йорке, на Уолл Стрит. Знала я это потому, что профессор многократно и недвусмысленно намекал на «внеклассные занятия» со мной. Флиртуя, он через чур много болтал, в том числе о своей семье. И вот я отправила ему в телефон нехитрого червя, который позволил получить доступ к операционной системе телефона и к контактам, в частности. После чего отправила червя уже непосредственно сыну профессора, заразив его телефон.

А затем... активировала главную функцию червя, которая состояла в заражении всех компьютеров, к которым он мог подключиться по bluetooth или wi-fi. В этом случае – целью был рабочий компьютер, находящийся непосредственно в здании биржи. После того, как среди заражённых червём компьютеров, я нашла необходимый, то дальше оставалось лишь проявить любознательность и терпение. Через этот компьютер я получила, пусть и ограниченный, но всё же – прямой доступ к внутренней сети биржи и воспользовалась предварительными отчётами об изменении рейтинга нескольких крупных компаний. Это стало моим инсайдом, что и позволило заработать на торгах достаточную для реализации моего плана сумму денег.

Когда деньги были выведены с биржи и «отмыты» при помощи десятков оффшорных компаний, уже в виде чистого капитала, они осели в одном из банков Канады.

Ещё не до конца представляя себе, что в результате у меня получится, я запустила механизм создания инфраструктуры для своей идеи. Землю найти было не трудно, мне сразу же в голову пришло то поле, на котором мы с отцом смотрели звездопад и на котором затем мы с мамой посадили деревья в память о папе. Через ряд подставных коммерческих структур – я выкупила всю ту землю, порядка 20 гектаров, заказала постройку серверной и дома. В нём я сейчас и живу.

Все эти процессы заняли время и их окончание совпало с окончанием мной второго высшего. Изучение медицины и космологии суммарно неизмеримо расширило мои представления и знания о Жизни как явлении в принципе, о людях и о Мире, который нас окружает. Важна оказалась не сама по себе информация, но то, на какой вопрос я её накладывала, чтобы лучше понять ответ. Да, конечно же... главным моим ответом было то, что – окончательного ответа нет... по крайней мере сейчас и в ближайшее время не будет, но ещё... я поняла, что жизнь куда отзывчивее и выносливее, чем большинство может себе представить. Возможности адаптации, изменения форм – практически неисчерпаемы.

Более того, всё живое оказывается настолько взаимосвязано и является, своего рода, сосудом, в котором каждая часть как капля, свободно может перемещаться, что невольно закрадывается мысль о том – до чего же тупы люди. Ведь всё, что говорят реальные действия человечества – направлено на разделение и уничтожение.

Организм человека, его тело, его ДНК – похожи вовсе не на компьютер, а... на Вселенную. Процессы, происходящие в организме, тоже похожи на космологические, а не на команды программного кода. Почему? Потому что в любой момент времени во Вселенной, как и в организме человека – может произойти что-то новое, необычное, неожиданное. А что неожиданного может сделать системный блок или... программа для обработки фотографий?

Не имея же представлений обо всех этих категориях вблизи, человеку трудно сформировать адекватное видение прежде всего самого себя, потому-то бóльшая часть людей обречённо

проживает своё время, плутая от одной иллюзии к другой, видя и понимая настолько мало, что весь так называемый опыт уместился бы на кончике одной иглы.

И буквально на следующий день после окончания технологического, я приняла решение о новом уровне «ухода в тень». Я полностью стёрла о себе все данные какой-либо социальной активности, отовсюду, главным образом об учёбе, начиная со школы, об участии в исследованиях, удалила все публикации, любые упоминания о той мне, которая была до этого момента.

В итоге осталась всё та же я, с прежними именем, фамилией и возрастом, но... в состоянии «чистого листа» с точки зрения социальной активности. Этот «чистый лист» я заполнила новым содержанием, внося этот образ во все ключевые базы данных. И теперь я стала – специалистом по кибер-безопасности, с дипломом инженерно-технологического, с десятилетним успешным опытом и заслугами.

Сделала я это с одной целью – затеряться среди однообразных людей, которых никто не замечает, но при этом – мне нужно было получить стратегический доступ к крупнейшей сети личных данных, которые стали бы платформой для обучения моего «Тесея». Для этого я устроилась на работу в крупнейший в стране Банк, в специальное подразделение кибер-безопасности. Что позволило мне открыть для «Тесея» прямой и неограниченный доступ к данным для обучения. Дело в том, что «Тесей» – это не просто автоматизированная программа по взлому, обработке и классификации информации, это Искусственный Интеллект, не форма сознательной жизни конечно, но и гораздо больше, чем просто хакерский софт. И чтобы он смог в итоге выполнять свою основную функцию – автономного точечного наблюдения за людьми, изучая их жизни, находя причины и следствия, выдавая мне готовые подборки в виде сформированных «историй», ему нужно было учиться.

Код я писала дома, а через рабочий серверный терминал, запускала «Тесея» внутрь системы Банка, через которую он уже ассимилировался во все остальные ключевые федеральные базы данных, включая Полицию, спецслужбы, сотовых операторов, а также самые крупные социальные сети и мобильные приложения. «Тесей» стал как бы продолжением меня самой, условно можно сказать, что я передала ему свой способ мышления, свой взгляд на людей, а потому, постепенно он начал собирать данные именно таким образом, будто это делала я сама.

Одним из интересных наблюдений стало то, что очень многие люди оказались связаны между собой, даже не будучи знакомыми. События, их причины и следствия – невидимыми ниточками соединяют огромное количество совершенно разных людей. Когда-то связь через боль и страдания, а когда-то через радость и достижения. Наша современность культивирует одиночество, и хотя многие действительно живут, погружённые в одиночество, но если бы они могли снять завесу иллюзий, то увидели бы, что на самом деле абсолютно каждый человек связан чем-то позитивным по крайней мере с десятком других людей в городе. А уж если расширить эту цепь по всей стране, то проблема одиночества была бы в принципе мгновенно решена. Ложные проблемы всегда легко решаются правдой. И чуть ли не главная такая ложь, что все люди разные, что каждый человек уникальный настолько, что найти кого-то схожего, близкого, понимающего – целая инженерная задача, а то и вовсе не менее как чудо.

Но вот она правда, открывавшаяся передо мной день за днём многие годы – люди не уникальны, они похожи, в самом хорошем смысле слова – одинаковые больше, чем разные. Что приводит к простейшему выводу о том, что одиночества может вовсе не стать, если... показывать людям друг друга, если они сами будут чаще показывать друг другу себя.

Развиваясь, «Тесей» быстро стал чем-то вроде детектива, ведь зачастую то, что связывало людей – это преступления... кто-то в них был жертвой, кто-то – преступником. И я пробовала анонимно направлять собранные материалы десятков преступлений с исчерпывающими свидетельствами в Полицию, которая, однако, занималась чем угодно, кроме своих прямых обязанностей, а потому, попросту игнорировала любые попытки помочь им в расследованиях. Что заставило меня всерьёз заняться пересмотром изначального плана помощи людям.

Обучение «Тесея» заняло около трёх лет, но когда он был полностью готов, то полностью готова была и я. В итоге «Тесей» внедрился во все существующие базы данных, а также выстроил себе органы зрения и слуха, подключившись ко всем возможным камерам в городе, включая городские камеры видеонаблюдения, камеры мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков и веб-камеры. Никто и ничто не в состоянии теперь ускользнуть от него. Серверная, в которой «Тесей» живёт, имеет собственный узел электроснабжения, получающий энергию за счёт солнечных батарей, таким образом он стал невидимым для городских электросетей и всего внешнего мира.

Завершилось создание «Тесея» за полгода до начала ежегодного звездопада. Так уж сложилось, что фактически все события я так или иначе мысленно соотносила именно с этой датой. И сейчас такая моя особенность натолкнула меня на ключевой ответ о том, когда и как я сделаю задуманное.

Я решила, что для первого раза выберу пятерых человек, которые по тем или иным причинам сломаны и нуждаются в шансе на изменения. Им нужно будет сделать выбор и... если они его сделают, то, войдя в первую ночь звездопада – смогут выйти из неё уже обновлёнными людьми.

Передо мной лежало обширное поле данных, за которыми скрывались, точнее, раскрывались жизни. Для меня это не было игрой, то, что я решила сделать – не ради зрелища, а с искренним желанием – дать людям шанс прикоснуться к страхам и теням и, возможно, выйти на свет, встав под Солнце и обрета долгожданный покой.

Предстояло проделать большую работу по выбору первых нескольких человек, на которых мой подход должен быть опробован. Мне было важно, чтобы первыми стали правильные люди, которым нужна именно моя помощь и именно сейчас. Пути этих людей должны войти в слияние с моим путём, создав нужные гармонические колебания.

«Тесей» наметил для меня несколько тысяч возможных кандидатов, после чего я приступила к изучению материалов. Прежде всего, мне хотелось обнаружить связь между кем-то из этих людей и мной самой, связь не на уровне информации и фактов, но на уровне ощущений и интуиции.

Каждая из историй, представших передо мной была одновременно глубоко трагична, но и, к сожалению, абсолютно обыденна для реалий жизни, усложняя тем самым выбор, поскольку что-то хотелось сделать для каждого. А выбор сделать было необходимо, ведь... предстояло кропотливо подготовить путь для выбранных мной людей, создав для них путешествие в ночь, пока падали звёзды... уникальные испытания, формирующие выборы, пройдя которые, они бы обрели новые смыслы. Разработать даже пять таких испытаний – задача трудоёмкая, но времени у меня оставалось достаточно.

Я сузила выбор до двадцати человек, распечатала файлы с их данными и развесила на стене, как это обычно делают в детективных сериалах. Несколько дней, приходя домой, я раз за разом всматривалась в лица, вчитывалась в судьбы. Постепенно убирая имена с доски. И вот, в итоге, их осталось пятеро. Выбор был сделан, после чего началось скрупулёзное планирование, которое привело меня к сегодняшнему дню...

И вот наконец завтра ровно тот самый день, день, когда всё должно было случиться. Звездопад должен был открыть дорогу пятерым, идущим в ночь. Я волновалась... но не за себя, за них. Они не представляли, что именно их ждёт, вероятно, были не готовы к грядущему. Я не знала и даже не была уверена, решится ли кто-то из них последовать неизвестному и незнакомому зову.

Для этих пятерых людей я сделал всё, что могла... нашла их, выбрала, подготовила им двери и предложила ключи, теперь – их черёд сделать что-то для себя. Последним звеном стало оправление приглашений индивидуально для каждого. Знаю, что все их получили и прочитали... знаю и о том, какие были первые реакции, первые порывы, но, впрочем... Всё, что будет дальше – будет по их воле или не будет вовсе. Завтра, когда придёт время, я смогу всё увидеть, а сейчас... была пора ложиться спать.

Уже лёжа в постели, глядя в панорамное окно, из которого открывался вид на безмятежное ночное небо, заполненное медленно плывущими куда-то облаками, я вдруг вспомнила последний наш с отцом разговор, который состоялся ровно так же перед сном, в тот самый вечер, когда он умер. Папа зашёл ко мне в комнату, а я уже лежала под одеялом, прикроватная лампа была включена, я рисовала бабочек мелками в тетради. Увидев меня, папа сказал:

– Кажется моё Облачко совсем не думает отдыхать? И улыбнулся.

– Пап, но если я усну и не дорисую эту бабочку, то завтра уже не вспомню, какой именно хотела её нарисовать. А две другие бабочки я уже закончила, получится, что семья бабочек будет не полной, ответила я.

– Может быть ты и не вспомнишь, какой именно эту бабочку ты хотела нарисовать сегодня, сказал папа, присев на край кровати, но ещё... может быть сновидения подарят тебе идею, о которой ты даже не думала, что-то гораздо интереснее и красивее. И когда ты завтра проснёшься, сможешь нарисовать эту чудо-бабочку.

– Хорошо бы, согласилась я, и добавила... но тогда ты должен меня обнять... крепко-крепко.

Папа пересел совсем близко ко мне и... обнял, после чего пожелал спокойной ночи, выключил лампу и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Я отложила тетрадь и мелки, укрылась одеялом и закрыла глаза, а та третья бабочка, которую я начала рисовать, так и осталась незаконченной.

Пока в голове прокручивался наш последний с папой разговор, я поняла, что не смогу уснуть, если не найду тетрадь и не увижу те старые рисунки из детства. Я встала и спустилась в подвал, где хранились многие из моих детских вещей. На удивление быстро нашла целый сундук с моими альбомами и тетрадями, среди которых отыскала и ту самую. Поднялась с ней

в комнату, снова улеглась в постель, и стала её листать. Свет даже не понадобилось включать, потому что ещё горело искусственное освещение вокруг дома и этого было вполне достаточно.

Переворачивая страницы одну за другой, наконец добралась до той самой недорисованной бабочки, взяла со стола, лежавший там карандаш, и начала водить им по листу. Конечно, я не помнила сейчас, какую бабочку хотела нарисовать в тот вечер, но... это было не важно. Видимо, эта бабочка открывала дверь в мир снов, потому что едва закончив рисунок, я опустила голову на подушку и... моментально уснула.

Глава II. Пятеро

Утро не заставило себя долго ждать. Проснувшись, первое, что я увидела, это бабочку, которую рисовала вчера. *Что ж, весьма символично, ведь сегодня день, в котором расправятся крылья и произойдёт трансформация*, подумала я.

Перед тем, как продолжить день, я ещё раз вспомнила о том, почему выбрала именно этих пятерых людей, кто они и что с ними произошло.

Анаэль

Анаэль или просто Эль, как её называли родные и друзья, никогда не считала себя особенной, будь то речь о внешности или талантах. Но... её внутренние ощущения изменила беременность. Приближение материнства придало ей неведомых до сего сил, вдруг наполнив её уверенностью и спокойствием.

Беременность, по меркам медицины, у Эль наступила достаточно поздняя, на тот момент ей уже исполнилось 38 лет. Последние девять лет она была замужем, но вопрос о детях никогда особо в их паре не поднимался, но не потому, что у супругов были разные мнения, наоборот, мнение было единым: *если случится, то хорошо, если нет, то ничего специально делать не будем*.

Эль знала, что ей бы понравилось быть мамой и, чуть забегая вперёд, эти ожидания её не обманули, однако, обманул кое-кто другой.

Узнав о беременности, Эль, разумеется, поспешила сообщить об этом супругу, устроив импровизированный ужин с ярко выраженной детской тематикой в оформлении. Однако к удивлению, и глубочайшему разочарованию, муж воспринял новость не как подарок, а скорее, как наказание.

Оказалось, что не так уж он и был готов принять благосклонность природы. Он заявил, что, да, когда был моложе, и правда был не против ребёнка, если бы тот появился тогда, но сейчас... когда вся жизнь построена и удобна ему в том виде, в котором есть, ребёнок в возрасте сорока лет, просто не входит в его планы.

Поскандалив на этой почве несколько недель, Эль сказала, что если он не видит семью с ребёнком, то значит и семьи у него больше не будет. Сообщив мужу своё решение, она молча собрала вещи, уехала к подруге и уже на следующий день подала на развод без малейших сожалений.

Да, человек, который был рядом почти десять лет, который действительно защищал и любил её, сейчас, в самый нужный момент – разочаровал, но зато другой человек, который только зарождался и начинал свой путь, наоборот, каждую секунду придавал ей сил и воплощал собой надежду на то, что всё будет хорошо. Эль развелась с мужем, когда была на седьмом месяце беременности. Всё это время она жила у подруги, а после оформления развода, выкупила долю мужа в квартире, в которой они жили, и вернулась туда, в полной готовности стать матерью.

Размышляя о том, на что похоже материнство, Эль пришла к выводу, что это должно быть похоже на ситуацию, когда ты одновременно ученик и учитель. Конечно она осознавала, что будут и тяжёлые дни, которых окажется не мало, но будут и другие – безразмерно счастливые и что именно таких дней в итоге будет больше.

Ждала рождения ребёнка Эль с предвкушением и приятным волнением. К счастью, беременность протекала без осложнений, что освобождало мысли от лишних тревог. Большую часть срока она спокойно продолжала работать. А работала Эль фотографом в глянцевого журнала, в этом же журнале вела свою колонку, посвящённую искусству фотографии.

И вот, в ночь на 21 сентября у неё родилась дочь, которую она назвала Хелена. Целый поток счастья в одно мгновение заполнил жизнь Эль яркими красками, о существовании которых она и не подозревала, даже являясь фотографом.

Как оказалось, быть матерью – это именно то, чего она ждала всю жизнь, именно то, что было ей нужно. Именно быть матерью, а не «матерью одиночкой»... потому что одиночкой она себя не только не чувствовала, но и одиночкой не была. А подобные уничижительные эпитеты в свой адрес, время от времени доносившиеся от окружающих, она категорично и жёстко пресекала.

Подруги даже поверили не сразу, как сильно Эль расцвела с появлением дочки, она словно расправила крылья, которые почему-то прятала ото всех очень долго.

Так прошло шесть лет...

Шесть прекрасных и удивительных лет, наполненных любовью. Стоило Эль лишь вспомнить о дочке, лишь случайно взглянуть на её фото в смартфоне, как счастливая улыбка заполняла её лицо, а любые проблемы становились не более, чем далёким шумом, который ни на что не влиял и ничего не значил.

Эти шесть лет любви и счастья, прервались полтора года назад, январским вечером, когда стрела неотвратимости врезалась в размеренную жизнь двух любящих людей, оставив после себя пробоину, неумолимо тянущую ко дну тяжким грузом бессмысленности.

Хелена, которую, кстати, как и её маму, все тоже в шутку называли Эль, по вечерам ходила в музыкальную школу, училась она играть на флейте. Ей очень нравилась музыка, с самых первых лет жизни она часами могла слушать её, а когда однажды врач при осмотре заметил некоторое отставание развития функции лёгких Хелены относительно возрастной нормы, то рекомендовал Эль попробовать отвести девочку в музыкальную школу на занятия духовым инструментом. Эль выполнила рекомендации врача, привела Хелену в детскую музыкальную школу и оказалось, что из всех инструментов, именно флейта понравилась девочке больше всего.

Эль отвозила дочку на занятие, а потом забирала оттуда три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам. Такие поездки стали для мамы и дочки настоящим ритуалом, которому обе искренне радовались, в пути они всегда слушали песни по радио и пытались подпевать, пародируя исполнителей. Всё это было и в тот вечер.

Когда занятие закончилось и Хелена вышла к встречающей её маме, то они решили не торопиться возвращаться домой, а сначала немного прогуляться. Здание, где находилась музыкальная школа, располагалось в старом городском квартале, по которому люди часто гуляли пешком.

– Куда сегодня пойдём? Спросила Эль дочку.

– Мама, я хочу посмотреть на мост, ответила она, указывая в сторону, где он находился.

И они отправились неспешным шагом, держась за руки. Было уже темно, но яркая городская иллюминация делала это практически незаметным. Контуры многих зданий были увешаны светодиодной подсветкой разных оттенков, на стенах некоторых домов красовались целые рисунки, выложенные из таких светящихся лент. Хелена шла, озираясь кругом, и комментировала для мамы всё, что видела, и просила сфотографироваться на фоне практически каждого здания, украшенного яркими огоньками.

Когда же они подошли к мосту, у Эль зазвонил телефон, это был звонок с работы, а потому ей пришлось ответить. Пока она разговаривала по телефону, то отпустила руку дочери, которая беззаботно ходила и изучала пространство, как это и делают дети.

Мост, по которому они гуляли был пешеходным, слева и справа от него находились винтовые лестницы, ведущие вниз, к остановкам общественного транспорта и большой дороге. Там, внизу, под опорой моста, иногда спали бездомные, по крайней мере в тёплое время года. Незаметно для Эль, Хелена ускользнула из поля её зрения и начала спускаться по правой винтовой лестнице вниз.

Следующее, что услышала Эль, было тем, что навсегда изменило её жизнь... это был дикий визг тормозов, глухой удар, следовавший за этим и... глубочайшая тишина, настолько глубокая и бескрайняя, сравниваемая лишь с Чёрной дырой.

Невозможно описать последовательность мыслей и ощущений Эль... В тот момент всё словно происходило одновременно. Едва услышав звук, она как будто уже всё поняла, мобильный телефон просто выпал у неё из руки, потому что пальцы мгновенно утратили чувствительность и перестали слушаться, в голове тут же промелькнуло вспышкой «если это она, то...» и... сковывающий страх, пробежавший по спине ледяными мурашками, будто останавливал её от того, чтобы обернуться, подойти к перилам моста и посмотреть вниз.

Сейчас в её мире ещё вроде бы ничего не произошло и до того, как она посмотрит и увидит, что там... всё будет оставаться по-прежнему, но в то же время, каким-то неведомым чутьём, своей материнской сущностью она уже всё знала. Скорость происходящего не дала этим мыслям и ощущениям опередить реальность, а потому... Эль бросилась к перилам и первое, что увидела... розовый кожаный сапожок, неаккуратно валявшийся прямо под лучом фонаря, падавшего на проезжую часть. Этот сапожок она бы узнала из тысяч, из миллионов... ведь она лично привезла пару таких из Италии в подарок Хелене.

А опустив взгляд ещё чуть ниже, она увидела дочку, лежащую на дороге, рядом с которой на корточках сидел какой-то мужчина, наклонившись вплотную, видимо пытаясь проверить пульс и дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.